

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТ

Источник: Л. Чарская. Полное собрание сочинений. М.: Русская миссия, 2006.

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера

- Итак, ты едешь?

- Решено окончательно. Еду. Прощай.

Ратманин поднял на товарища красивые черные глаза. В них отразилась вся стойкая, непоколебимая натура юноши. Он помолчал немного, потом сказал:

- Ты должен мне дать слово, Студнев, навещать ее часто, часто... и сообщать мне все, что ей надо... Умоляю тебя об этом ради всего дорогого. Она ведь мне не напишет, если будет в чем-либо нуждаться, ты ее не знаешь, да, Студнев, ты не знаешь моей матери или, по крайней мере, мало ее знаешь. Это, это...

- Святая, - произнес белокурый, плотный, некрасивый юноша, Сергей Студнев, полная противоположность высокому, тонкому, изящному Ратманину.

- Святая и ангел!.. - подтвердил последний и хотел прибавить еще что-то, но стук в дверь и нежный голосок за нею заставили его разом замолчать и насторожиться.

- Вот и я. К вам можно? - Анна Викторовна Ратманина появилась на пороге.

Это была худая, молодая еще женщина, с усталым но необычайно красивым лицом, большими, впалыми, черными глазами. Несмотря на более чем скромный, даже бедный костюм, небрежную прическу, показывавшую, что Анна Викторовна мало обращает внимания на свою внешность, - это была в полном смысле слова красавица. При виде ее трудно было сказать, что она мать такого взрослого, семнадцатилетнего юноши, как Алексей Ратманин.

Ее сын мало походил на нее. Только ее глаза, мечтательные, грустные и глубокие, как море, были совершенно такие же, как у Алексея.

- Ну, вот и я, - произнесла она, протягивая руки обоим юношам сразу и награждая сына одним из тех взглядов, который может дарить только безумно любящая своего ребенка мать. - До поезда остался час. Я пришла посидеть в "нашем уголке", Алеша. - И она любовно окинула крошечную, обставленную более чем скромно, комнатку сына.

- Вот и отлично! А я вам мешать не буду. Прощай, Алексей! Дай Бог тебе удачи и счастья в столице. До свиданья! Возвращайся скорее с громкою славою и полным карманом денег, - говорил Студнев шутливым тоном.

Товарищи обнялись.

- Помни же! Ты обещал мне позаботиться о маме! - успел сказать другу Ратманин.

- Да уж ладно, ладно. Буду помнить. Ты только сам не забывай нас, пиши почаще.

И, сильно тряхнув руку товарища, Студнев вышел.

- На вокзале увидимся! - крикнул он с порога.

Едва только он вышел, как Анна Викторовна нежно и сильно обхватила кудрявую голову Алеши, прижала к груди и прошептала с внезапно застлавшими глаза слезами:

- Милый мой! Сокровище мое! Мальчик мой единственный! Хорошо ли я делаю, что отпускаю тебя? Алеша мой! Что ты будешь там делать один без меня. Как ты устроишься? Ведь ты привык к моей заботе и ласке! Я с ума схожу, Алеша, когда подумаю о том, как ты будешь одинок в чужом большом городе.

Она хотела добавить еще что-то, но не выдержала и заплакала, опустившись на стул. Ратманин положил ей на колени свою красивую, темнокудрую голову и заговорил взволнованно:

- Мама, золото мое... родная мама... не плачь! Ведь там, в столице, ждет твоего сына слава, ждет успех... А главное, занявшись серьезно искусством, я надеюсь, что в состоянии буду дать и тебе вздохнуть свободно. Ведь ты слепишь глаза за этим ужасным вышиваньем гладью. Помнишь, что сказал доктор? При таком труде тебе не хватит твоих глаз и на два года... Это ужасно, мама! Я ежемесячно стану высылать тебе мой заработок... Милая ты моя мамочка!

Анна Викторовна перестала плакать. Она сидела задумчивая, притихшая и любовалась своим большим, умным, добрым и талантливым мальчиком.

Весь город знает, как он талантлив, ее Алеша; весь город знает, как он всеми силами старается